

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИКИ

Г.Б. МАДИЕВА, В.И. СУПРУН
(Казахстан, Волгоград)

АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются антропонимы, являющиеся важным средством отражения национальной культуры, которая находит выражение в структуре официальной формулы именованя, в выборе вокативных и качественных форм, во всём антропонимиконе народа.

Ключевые слова: *антропоним, лингвокультура, вокативная формула, личное имя, фамилия, прозвище.*

В ономастическом поле любого языка ядерными конститuentами являются антропонимы. К ним относятся личные имена в их официальной (полной), домашней (краткой, гипокористической), уменьшительно-ласкательной (деминутивно-мелиоративной) и увеличительно-уничжительной (аугментативно-пейоративной) формах, вторые и последующие имена, отчества, дедичества, андронимы, гинеконимы, патронимы, фамилии, вторые фамилии, прозвища, псевдонимы, клички, криптонимы, уличные фамилии и др. У каждого народа есть свои традиции именованя, которые выражаются в формульности антропонимов, их наборе у отдельного носителя и в целом в этносообществе, мотивах именованя, структуре имени и т.п. Фонд антропонимии (совокупность антропонимов) любого народа разнообразен по своему составу. Список, или реестр, имен всех типов (антропонимикон) каждого народа, относительно ограничен, поэтому один и тот же антропоним может иметь не один человек. Антропоним является наиболее явной индикацией статуса человека [5, с. 29]. Каждая лингвокультурная общность по-своему реализует статусно-ролевые семы у форм различных имен.

Все виды антропонимов объединены общими функциональными признаками – способностью именовать человека и использоваться при обращении к нему. Из них только

личное имя обладает высокой степенью индивидуализации денотата: оно есть у каждого человека. Остальные виды антропонимов могут быть факультативными, соотноситься с историко-культурными традициями народа и различаться в этнокультурной диахронии. Личные имена выбираются относительно произвольно (с разной степенью обязательности выбора из установленного списка – христианская и мусульманская традиции, из нарицательных слов с положительной семантикой – китайская традиция, из слов с пожелательной семантикой – языческая традиция). Фамилии, дедичества и отчества являются производными единицами и обусловлены родственными связями. Прозвища, псевдонимы и пр. являются не основным, а дополнительным именем, у многих/большинства членов этноязыкового коллектива они отсутствуют. Прозвища, уличные фамилии, андронимы, гениконимы присваиваются не самим индивидом, даются ему другими людьми, могут использоваться при контакте с носителем или только заочно. Псевдонимы, клички, криптонимы по разным причинам выбираются самим носителем имени.

А.А. Белецкий, рассматривая восточнославянскую антропонимию с точки зрения этимологии, констатирует, что ее историческим источником является греческая система имен византийской эпохи, кроме немногих имен (*Владимир, Всеволод, Ярослав, Ольга, Игорь* и др.), восходящих к славянскому и скандинавскому антропонимиконам. Современная восточнославянская антропонимия по происхождению не является собственно славянской и говорит не столько о языке, сколько о культуре ее носителей. Следовательно, «такое расхождение между антропонимией и нарицательной лексикой оказывается по большей части результатом взаимодействия культур и может быть признано показателем сложной культурной эволюции» [1, с. 78].

В антропонимах могут сливаться, взаимодействовать национальное и интернациональное, национальное и иноязычное. Традиция перевода греческих и латинских имен *Fides, Spes, Caritas* (*Вера, Надежда, Любовь*) способствовала употреблению у русского народа

антропонимов *Тихомир, Богодар, Богдан, Боголеп, Домашний, Разумник* – переводов имен *Климент, Фёдор, Феодосий, Феопрет, Домитиан, Софрон* [11, с. 366], ставших основой для фамилий *Тихомиров, Богданов, Боголепов, Домашнев* и др. Переводом греческих *Филит, Филомен* стало имя *Любим*, употреблявшееся самостоятельно еще в XIX в. (А.Н. Островский «Бедность не порок») и ставшее основой фамилии *Любимов*. Возможно, на употребление имени в русской этносреде повлияло его совпадение с древнерусским *Любим* [13, с. 190; 20, с. 226].

У болгар, сербов, черногорцев перевод греческих имен на славянский язык широко распространен до наших дней: *Фёдор – Божидар, Макарий – Благ, Блажко* и др. (Булгаков, 1993). У русских с первых веков после Крещения Руси часто встречалось имя *Богдан* как переводной вариант *Федота, Боголеп* как *Феопретий* и др., в настоящее время они включены в святцы как разрешенные для крещения имена. Изобретенное В.А. Жуковским имя *Светлана* не сразу вошло в православный календарь. В 1913 г. отмечалось, что православные девочки этим именем «ни в каком случае не могут быть нарекаемы» (Булгаков, 1993, т. II, с. 960). Но ныне *Светлана* считается переводным вариантом имен святых *Фотины, Фотини*, память которых отмечается 13/26 февраля и 20 марта/2 апреля [14]. Имеются еще святые Фотида и Фото с той же семантикой, но к ним этот русский антропонимический переводной синоним не применяется.

Ригорозные церковные антропонимические установки налагали запрет на использование некоторых имен, не входящих в официальные списки. В 1889 г. в Тобольской епархии по настоятельной просьбе родителей священник крестил ребенка именем *Ярослав*, отсутствующим в святцах, за что был подвергнут ответственности (Булгаков, 1993). Это имя только в 1994 г. было внесено в православные святцы в память о благоверном князе Ярославе (Константине) Святославиче Муромском (†1129), его день приходится на 21 мая/3 июня. Нельзя было давать православному мальчику имя *Святослав*, которое считалось католическим. Любопытно, что при этом орден святого Станислава был государственной наградой России. Он был учрежден 7 мая 1765 г. королем Польши Станиславом Августом Понятовским, а в 1815-м восстановлен императором Александром I для Царства Польского. В число орденов Российской Империи он вошел 14 сентября 1829 г., когда император Николай I утвер-

дил статут ордена; 11 января 1832 г. был изменен его внешний вид. Среди награжденных этим орденом – писатель и драматург А.П. Чехов, художники И.К. Айвазовский и Ф.А. Бруни, известный ученый-химик Д.И. Менделеев, лексикограф В.И. Даль, изобретатель радио А.С. Попов, хирург-травматолог Н.В. Склифосовский и мн. др.

Церковь не разрешала давать ребенку не только католические (*Бронислав, Мечислав, Марта, Роза*) или протестантские (*Альберт, Леонард, Клементина, Клара, Шарлотта*) имена, но и встречающиеся в православных памятниках, употребляющиеся католиками и протестантами, но не включенные по каким-либо причинам в святцы (*Август, Аврелий, Флорентин, Христиан*) (Булгаков, 1993). Среди таких имен упоминались в начале XX в. *Феликс и Владислав*, которые ныне включены в православный календарь: память сербского благоверного князя Владислава (†1239) отмечается 24 сентября / 7 октября, а Феликсы отмечают именины 25 января/7 февраля, а также в день карельских святых – 21 мая/3 июня в честь преподобного Феликса [14].

В отличие от католиков, у православных не разрешалось выбирать имена в честь Господа и Богородицы. Весьма популярное у русских имя *Мария* давалось только в честь святых жен, носящих его (*Вифанская, Египетская, Кесарийская, Клеопова, Константинопольская, Персидская* и др.) (Там же). Имя *Иисус* теоретически могло быть выбрано в честь праведного Иисуса Навина, память которого отмечается 1/14 сентября, однако «в отвращение возможного повода к соблазну лучше воздерживаться от наречения этим именем» (Булгаков, 1993, т. II, с. 956).

Эти правила выбора имени ребенку соблюдались в русском православном обществе до 1917 г., затем в течение 70 лет они искоренились из употребления, но в целом русский именник сохранил свой состав, новые имена революционного происхождения и новые заимствования из западных языков находились на периферии русского антропонимикона и в этот период.

Имена выполняют важную юридическую функцию – идентификацию личности в обществе. В мире существует несколько этнокультурно обусловленных традиций выбора имени человеку. В развитии антропонимов разных народов наблюдается закономерное развитие от одноименной антропонимической системы к многоименной. Одночленная система считается наиболее древней. Официальная форму-

ла именованья у разных народов – историческая категория, которая не является строго заданной, она диахронически изменчива, включает в себя разное количество компонентов и различный порядок их следования. Основной фонд национального антропонимикона в большинстве случаев составляют имена родного языка или полностью освоенные на всех языковых уровнях и вошедшие в этноязыковое сознание иноязычные единицы.

Антропонимическая формула именованья современных этнокультурных сообществ является строго заданной, официально (юридически) утвержденной. У большинства народов мира обязательным является двухкомпонентный оним *имя + фамилия*, фиксируемый во всех документах, являющийся средством идентификации личности. Более древняя двухкомпонентная модель *имя + отчество* сохранилась в современной исландской антропонимической системе. Развитием этой модели является трехкомпонентный антропоним *имя + отчество + дедичество*, распространенный у некоторых народов Азии и Африки. Дедичество встречалось в дофамильный период у представителей высших сословий в русской и белорусской языковой среде [15, с. 46].

Уникальной является современная полная антропонимическая формула русского народа, имеющая трехкомпонентную структуру *имя + отчество + фамилия*, выступающая в качестве этнолингвального (культурно-исторического) феномена русского национального языка, как и вежливая вокативная модель *имя + отчество* [19, с. 67; 6]. Эта модель вежливого обращения распространяется на иностранцев, связанных своей деятельностью с Россией и русским народом. При этом образуются либо реальные вокативы (*Петра Властимировна*), либо приспособленные к русскому имени-ку формы с выбором соответствия антропонимов на этимологическом (*Йиржсина*, отец *Вацлав* > *Ирина Вячеславовна*) или на фонетическом уровне (*Йиндржих*, отец *Йиндржих* > *Андрей Андреевич*). У народов, имеющих отличные от европейской антропонимические традиции, подбор русских имен осуществляется на основании каких-либо личных предпочтений или иногда в память о человеке, которому выбравший имя чем-то обязан. «Китайцы, вращающиеся среди русских, вполне усваивают себе это исключительно русское обращение по имени и отчеству, так что даже на вывесках в Порт-Артуре или Харбине не редкость надписи вроде: “Шанхайский портной Степан Семёнович Суй-Фу-Цзян”. А некоторые ки-

тайцы даже заводят себе европейские визитные карточки: Семён Иванович Ван-Фу-Сян, Матвей Петрович Син-Цзян-Тай» [16, с. 625]. В настоящее время эта традиция продолжается китайскими студентами-русистами, особенно во время их обучения в России.

Русская официальная формульная структура в социалистический период была распространена на всей территории СССР, использовалась для идентификации и регистрации всех ее жителей. Поэтому, например, в казахском антропонимиконе и сейчас функционирует официальное полное трехкомпонентное именование. В настоящее время оно сосуществует с возрождающимися историческими национальными формами именованья казахов, которые оформляются при помощи антропонимических элементов *-ұлы*, *-қызы*, *-тегі* или же безаффиксным способом: *Мұсабаев Мәди Маратұлы*, *Мұстафа Әулет Арманұлы*, *Шерхан Мұртаза*, *Баянжан Эрик* и т.д. [9, с. 46]. Болгарская полная антропонимическая формула также содержит отчество, оформленное с помощью суффикса *-ов*, однако оно не используется в вокативной функции, может спорадически выступать в качестве фамилии.

По мнению исследователей, во вьетнамской антропонимической системе существует как двухчленная, так и трех-, четырехчленная формула, в которой соблюдается определенная последовательность: *фамилия + имя* (*Нгуен Зу*, *Фан Нгок*), *фамилия + дополнительное слово + имя* (*Чан Хынг Дао*, *Нгуен Тхи Бинь*), *фамилия + дополнительное имя для обозначения пола + украшение имени + имя* (*Лам Тхи Ми За*) [22, с. 307], однако все дополнительные единицы лишь сопровождают личное имя, и поэтому все полные вьетнамские антропонимы являются скорее вариациями двухкомпонентной модели.

Такими же вариациями являются европейские и американские модели с дополнительными именами. Английские дети обычно получают при рождении два имени – личное и среднее (*first + middle names*), последнее служит дополнительным индивидуализирующим знаком. В качестве среднего имени используются личные имена, фамилии, топонимы, нарицательная лексика. Например, сыновья Ч. Диккенса носили имена: *Чарльз Калифорд Боз Диккенс* (по псевдониму отца), *Уолтер Лэндор Диккенс*, *Фрэнсис Джеффри Диккенс*, *Генри Филдинг Диккенс*, *Альфред Теннисон Диккенс*, *Эдвард Бульвер Диккенс* (в честь известных английских поэтов и писателей) [7, с. 9 – 10]. «Детям в США могут давать среднее

имя, которое выбирается произвольно, в честь родственников, крестного отца, крестной матери, какой-либо выдающейся личности, исторического события, по религиозным и другим соображениям. У замужней женщины в качестве среднего имени может использоваться девичья фамилия» [8, с. 243]. Несмотря на то, что в состав полного английского антропонима входят три или четыре слова, он построен по двухкомпонентной модели, поскольку среднее имя является частью личного имени, сопровождает его, самостоятельно в коммуникации не используется.

Вариацией двухкомпонентной модели следует признать и испанское полное имя, состоящее из нескольких личных имен и двух фамилий (отца и матери): все имена входят в первую группу, а обе фамилии – во вторую. В современном Китае с целью расширения идентификационных возможностей антропонимикона вносятся предложения также передавать ребенку фамилию не только отца, но и матери, тем самым фамильная группа содержит две единицы. Все эти вариации являются проявлением национальной культуры, отражают диахронную функциональность полных антропонимов у того или иного народа.

Структурные формулы различных видов антропонимов у разных народов отличаются набором компонентов и словообразовательных элементов. Каждый национальный антропонимикон образует имена на основе тех средств, которые имеются в языке. Антропонимы, как правило, являются вторичными образованиями, т.е. они создаются на базе апеллятивной лексики языка. Имена индоевропейских, тюркских народов исторически представлены в основном тремя типами – сложные, производные, апеллятивные (последние могут быть сложными и производными). Сложные имена (композиции) образуются при помощи не менее двух корневых морфем (каз. *Айгүл*, *Ақжол*, *Еламан*; рус. *Радонег*, *Ярослав*, *Владислав*, *Всеслав*). Производные имена – имена, образованные с помощью различных специальных ономастических формантов путем сокращения основ и оформления специальными аффиксами (рус., каз. *Мэлс* из *Маркс* + *Энгельс* + *Ленин* + *Сталин*, *Данэль* из *Дана* + *Элеонора*, рус. *Грациэлла* из *Грация*, *Мирония* из *Мирон*, *Люция* из *революция*, *Клим* из *Климент*). К отапеллятивным именам относят антропонимы, значение которых позволяет их соотносить со значением нарицательной лексики (каз. *Бақыт*, *Асқар*; рус. *Искра*, *Лада*, *Идея*; рус.-каз. *Совет*). Имена могут быть образова-

ны из апеллятивной лексики как естественным, так и искусственным путем, в т.ч. быть переводными.

Различные виды языковых контактов, расширение информационного пространства приводят к тому, что в антропонимических системах многих народов появляются иноязычные имена, которые не семантизируются с точки зрения родного языка. Они могут подвергаться фонетической и морфологической адаптации в языке-реципиенте, и если эти имена полностью прошли все ступени адаптации, то они могут восприниматься этноязыковым сознанием как факты родного языка. Так, в русском антропонимиконе большинство имен по своему происхождению являются греческими, латинскими, древнееврейскими (*Лариса*, *Ксения*, *Анна*, *Тамара*, *Виктор*, *Александр*, *Илья* и мн. др.), но с течением времени они стали осознаться носителями языка как родные, исконные, что подчеркивается при выборе имени: *Мы назвали сына русским именем Иван*.

В казахскую антропонимическую систему определенное количество имен пришло с принятием ислама, поэтому в ней существуют имена арабо-иранского происхождения, но и они воспринимаются носителями языка как исконные, поскольку с течением длительного времени полностью адаптировались фонетической и грамматической системой казахского языка (*Абдолла*, *Асан*, *Ахмет*, *Иса*, *Жамал*, *Зульфия*). Однако большинство единиц казахского антропонимикона, его основной фонд составляют имена тюркского и собственного казахского происхождения. В настоящее время наблюдается тенденция именования детей новыми модными именами, содержательными по значению и благозвучными по форме. Наблюдается интернационализация казахской антропонимии: детям дают имена, которые могли бы легко транскрибироваться на английском языке и восприниматься как интернациональные (*Дана* – *Dana*, *Жанна* – *Janna*, *Jane*, *Жанат* – *Janet*, *Ерик* – *Erik* и др.) [9].

В большинстве национальных антропонимических систем существует деление личных имен на официальные (полные) и неофициальные. Неофициальные имена, в свою очередь, дифференцируются на гипокористические, т.е. краткие имена, имеющие сокращенную форму основы или одну полную основу вместо двусоставного имени: рус. *Саша* < *Александр*, *Света* < *Светлана*, *Люда* < *Людмила*, *Слава* < *Вячеслав*, каз. *Касым* < *Касымжан*, *Гуля* < *Гульнар*; деминутивно-мелиоративные, т.е. имена с уменьшительно-ласкательным оттен-

ком значения, образованные с помощью специальных аффиксов: рус. *Аннушка, Вовочка*, каз. *Әлкен < Әлия, Бақас < Бақытжан, Шәкен < Шәріпбек, Еркінтай < Еркін*; пейоративно-аугментативные, т.е. имена с увеличительно-устрашающим и/или пренебрежительно-уничижительным оттенком значения [9].

В английской этноязыковой среде обращение по именам используется крайне редко, однако при общении в пабе личные имена звучат при коммуникации между хозяином, обслуживающим персоналом и постоянными клиентами «гораздо чаще, чем это необходимо, словно члены этого маленького “племени” стремятся подчеркнуть свое близкое знакомство и личные связи» [21, с. 124]. Вне паба «всякое злоупотребление именами в процессе общения вызывает недовольство и расценивается как докучливое панибратство в духе американцев» (Там же).

Основное назначение гипокористики – служить обращением, использоваться для выражения фатической функции. Образование кратких форм антропонима является лингвистической фреквенталией или даже универсалией [17], в славянских языках они фиксируются с 789 г. [18, с. 98]. Гипокористическое имя, являющееся идеальной вокативной формой, способно отражать древние фонетико-акцентуационные закономерности. Формула русского краткого имени – бисиллабическое слово с пенультимативным ударением: *Александр > Саня, Саша, Шура; Николай > Коля, Кока; Анна > Аня, Нюра, Нюся, Нюта, Лев – Лёва, Марк – Марик*.

Все неофициальные имена со значением любой субъективной оценки составляют группу качественных имен. Субъективность оценки определяется на основании словообразовательных средств, которые являются своеобразными маркерами, а также в зависимости от коммуникативной ситуации, в которой они употребляются. В ходе исторического развития может осуществляться переход формы имени из одного аксиологического статуса в другой: рус. *Машка, Васька* от ласкательного к фамильярно-уничижительному. Очень важен также контекст для определения качественности имени, поскольку некоторые суффиксы, считающиеся пейоративными, могут и не быть таковыми: суффикс *-к(а)*, по мнению А. Вежицкой, обладает универсальным значением, т.к. в определенных ситуациях дериваты выражают нежность, дружеское отношение [2, с. 137 – 138]. Гипокористическая и деминутивно-мелиоративные

вокативные формы антропонима выбирают в дружеской среде, а также при обращении старшего к младшему. Существуют личные и семейные предпочтения в выборе деривата: *Маша*, но не *Маня, Дима*, но не *Митя, Саша*, но не *Шура, Мила*, но не *Люда, Люда*, но не *Люся, Володя*, а не *Вова* и пр. Любопытны факты употребления наравне с исконно казахскими уменьшительно-ласкательными именами форм казахских имен с суффиксом *-к(а)*: *Гулька (Айгуль), Анка (Анар), Маниучка (Маниук)*, которые являются результатом межэтнических контактов в условиях языковой ситуации Казахстана.

Фамилия – историческая категория, появление и развитие которой было обусловлено социально-экономическим развитием общества. Основными функциями этого антропонима являются *объединяющая* (объединяет членов одной семьи, рода); *определяющая, дифференцирующая* (способствует различению членов одной семьи, одного рода от членов другой семьи, рода); *идентифицирующая* (выделяет, идентифицирует человека в социуме). Фамилия как диахронически вторичный оном часто связана с именем или прозвищем, является производной от них единицей, переданной последующим поколениям отчеством (рус. *Иванов < Иван, Третьяков < Третьяк, Плотников < Плотник*; укр. *Петренко < Петро, Шевчук < Швець, Шестак < Шестак*; блр. *Ціханчук < Ціхан, Усцінович < Усцін* и пр.), однако возможно и самостоятельное происхождение фамилий от топонимов, названий предметов и т.п.: китайские фамилии *Ма (馬) ‘лошадь’, Чэнь (陳) ‘название места’, Цяо (乔) ‘воробей’, Цзяо (焦) ‘рог’, Цян (强) ‘баран’, Гуи (桂) ‘плетенка’* и т.п. В основе русских, украинских, белорусских, польских фамилий может лежать также указание на владение определенной территорией или происхождение из какого-либо города, местности (*Мещерский, Тверской, Звенигородский, Самарцев, Украинский*) и др.

Образование русских фамилий относят к XV в. в связи с их фиксацией в письменных памятниках, однако, по мнению ономастологов, они могли возникнуть и ранее. Для русских фамилий характерны посессивные (патронимические) суффиксы *-ов/-ев/-ин, -ович/-евич/-ич*, а также формант оттопонимической деривации *-ск(ий)* и др. Нетрадиционно оформленные фамилии могли быть образованы в результате ономастургических причуд владельцев крестьян в крепостное время. В селе Дросково Малоархангельского уезда Орловской губер-

нии при военном наборе были записаны такие новобранцы: Иван Иванов Кох, Сидор Карпов Шмидт, Антон Егоров Гертнер, Григорий Петров Шварц и др. Крестьяне объясняли: «Отец нашего барина в крепостное время дал такие фамилии в селе». Помещик-германofil давал фамилии со смыслом: у Коха дед был поваром, у Шмидта – кузнецом [12, с. 158]]. В некоторых белорусских деревнях появление фамилий у жителей происходило даже в советское время, в период образования колхозов [15, с. 5].

Считается, что казахские фамилии появились в XVIII – XIX вв. и официально были закреплены с введением паспортной системы, однако их истоки можно проследить в древних временах. Так, в древне- и позднетюркской антропонимической системах помимо личных имен существовала традиция использования наименований родов и племен, названий местности для дополнительной идентификации человека: *Абу Наср аль Фараби* из Фараба, *Юсуп Баласагуни* из Баласагуна, *Махмуд Кашгар* из Кашгара, *Мухаммад Хайдар Дулати* из рода дулат. К личным именам добавлялись имена отцов, дедов, рода, прозвища, которые могли выполнять функцию отчества, дедичества: *Бурхан ад-Дин Ахмад бин Аби Хафс бин Йусуф аль-Фараби*, где личное имя – *Бурхан ад-Дин Ахмад*, *Аби Хафс* – имя отца, *Йусуф* – имя деда, *Фараб* – город проживания.

В 70-е гг. XX в. казахские фамилии часто возникли от имени отца наряду с основным способом наименования – по имени деда, т.е. зарождением семейной фамилии. Процесс введения наследственной фамилии находился в то время у казахов в стадии становления: наследственную фамилию и отчество имели 27,8% опрошенных, в то время как фамилию от имени отца (фамилию-патроним) – 63,8, фамилию от имени отца и отчество – 8,4% [3, с. 101 – 103]. В основе современных казахских фамилий чаще всего используются имена предков второго, третьего поколений. Можно также встретить использование этнонима или генонима в качестве фамилии.

Русские отчества обозначают принадлежность к отцу, это их основная функция, они оформляются при помощи суффиксов *-ович/-евич*, *-овна/-евна*, реже *-ич/-инична*. В диалектной и просторечной русской речевой среде используется обращение по изолированному отчеству, что также является национально окрашенным вокативом, хотя и прослеживаются определенные параллели с восточными именованиями лиц и обращениями к ним;

мы знаем многих арабских ученых и писателей только по отчествам: *Ибн Сина* (Авиценна), *Ибн Рушд* (Аверроэс), *Ибн Фадлан*, *Ибн Аль-Хайсам* (Альгазен), *Ибн Аль-Араби* и мн. др. На изолированное использование отчества в качестве вокатива оказали влияние фонетические закономерности модели обращения, при этом – в отличие от гипокористики – отмечается тенденция к употреблению трехслогового антропонима с тем же пенультимативным ударением: *Иваныч*, *Григорич*, *Василич*, *Андревна*, *Григорьевна*, *Васильевна*, хотя имеются и формы с другим количеством слогов, обусловленные синтактической структурой имени отца: *Палыч*, *Алексаыч*, *Николаевна*.

Изучение природы антропонимов, выявление их особенностей, раскрытие семантики и этимологии, анализ словообразовательной структуры имен разных народов, разной территориальной локализации показывают, что имена не только историчны, но и глубоко национальны. «Особенности национальных ономастиконов обусловлены не только и не столько принадлежностью их к тому или иному национальному языку, сколько спецификой национальной культуры, в среде которой создавалась и формировалась та или иная национальная онимия» [4]. В именах проявляется тесное единство мировидения и мировосприятия народа с его духовной, социальной и материальной культурой. Те представления (знаки, символы, мифологемы и т.д.), которые вкладывает человек в оним, имеются в его сознании, они детерминированы мышлением и теми социальными обстоятельствами, в которых он живет.

Имена содержат в себе определенные значения, связанные со словами, участвующими в их образовании. Однако это значение не связано непосредственно с сущностью самого объекта, подвергшегося акту номинации, а опосредованно отражает те или иные характеристики, которые важны для номинатора и связаны с культурно-релевантными концептами народа. По мере вовлечения того или иного объекта в жизнь человека накапливаются различные сведения о нем, позволяющие четко дифференцировать его среди ему подобных: «этнографична вся ономастика – от личного имени человека до наименования божеств, от названия народа до обозначения населенного пункта или космического объекта» [23, с. 5]. Антропонимы являются важным средством отражения национальной культуры, которая находит выражение в структуре официальной формулы именования, выборе вокативных и

квалитативных форм, во всем антропонимиконе народа.

Литература

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1972.
2. Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 89 – 200.
3. Жанузаков Т. Казак есімдерінің тарихы (лингвистиклык және тарихи-этнографиялык талдау). Алматы, 1971.
4. Кайдаров А.Т., Керимбаев Е.А. Этнолингвистические аспекты казахской ономастики // Изв. АН КазССР. Серия филологическая. 1990. № 3.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Ин-т языкознания. РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
6. Королёва И.А. Становление русской антропонимической системы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
7. Леонович О.А. В мире английских имен. М. : Астрель : АСТ, 2002.
8. Леонтович О.А., Шейгал Е.И. Жизнь и культура США: лингвострановедческий словарь. Волгоград : Станица-2, 1998.
9. Мадиева Г.Б. Теория и практика ономастики. Алматы : Казак университеті, 2003.
10. Мадиева Г.Б. Имя собственное в контексте познания. Алматы: Казак университеті, 2004.
11. Мирославская А.Н. Древнерусские имена и прозвища в «Новгородских записных каменных книгах 100 – 104 и 11 годов» // Учен. зап. Калин. гос. пед. ин-та. Калининград : Кн. изд-во, 1959. Вып. VI. С. 336 – 362.
12. Мочульский П.М. Курьезы крепостного времени // Ист. вестн. 1905. №4, апр. С. 154 – 165.
13. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 4-е изд., доп. М. : Рус. словари, 1995.
14. Православный церковный календарь. 2010. М.: Изд. совет РПЦ, 2010.
15. Рогалев А.Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей. Гомель : Барк, 2009.
16. Рунич С. В Маньчжурии // Ист. вестн. 1904. №2. С. 608 – 632.
17. Супрун В.И. Сокращение имен как языковая фреквенталия // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге : тез. докл. : Волгоград : Перемена, 1995. Вып. 2. С. 56 – 57.
18. Супрун В.И. Имена и именины. Волгоград : Ком. по печати и инф., 1997.
19. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000.
20. Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рьжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М. : Школа-Пресс, 1995.

21. Фокс К. Наблюдая за англичанами: Скрытые правила поведения. М. : РИПОЛклассик, 2008.

22. Чинь Тхи Ким Нгок. Проблема языка и культуры при изучении иностранных языков. М., 1999.

23. Этническая ономастика. М. : Наука, 1984.

Anthroponyms as a means of national culture expressing

There is shown that anthroponyms are an important means of national culture reflecting that expresses itself in naming official formula structure, in choice of vocative and qualitative forms, in the whole of people's anthroponymy.

Key words: *anthroponym, linguistic culture, vocative formula, personal name, surname, nickname.*

Д.Ю. ИЛЬИН
(Волгоград)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ГИДРОНИМОВ В РАЗНОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ РЕГИОНА*

Показан региональный топонимикон на материале географических названий со значением «водные пространства, водоемы». Предлагается полевой подход к характеристике функционально-семантического единства языковых единиц на разных синхронных срезах в развитии русского литературного языка периода конца XIX – начала XXI в. В рамках выделяемого сегмента структуры моделируемого поля учитываются системные связи проприальной лексики.

Ключевые слова: *топонимическая лексика, язык региона, функционально-семантическое поле, сегментная структура, синхронно-диахронические процессы.*

Современный уровень лингвистических исследований демонстрирует высокие результаты, достигнутые в теории семантики, что требует особого внимания к изучению фундаментальных свойств системы языка. Свое-

* Исследование проводится в рамках гранта РФФИ № 09-06-90401 Укр_ф_а.